

Этногенез крымских татар. Реинтерпретация истории. (Brian Glyn Williams)

Лейля Сейтхалилова

*(Крымский научный центр Института истории
им. Ш. Марджани АН РТ)*

Аннотация. Данная статья представляет собой перевод с английского языка научной работы профессора истории ислама, кафедры истории Университета Массачусетса в Дартмуте (США), Брайан Глин Вильямса. Перевод сделан по научной работе: "The Ethnogenesis of the Crimean Tatars. An Historical Reinterpretation" («Этногенез крымских татар. Реинтерпретация истории»). Источник: *Journal of the Royal Asiatic Society. Third Series, Vol. 11, № 3 (Nov., 2001), pp. 329–348.* В статье рассматривается вопрос этногенеза крымских татар, природа их общественной идентичности и социально-экономических условий деятельности. На основе всего изложенного автор приходит к выводу о необходимости пересмотра основательно не изученной истории крымских татар.

Ключевые слова: этногенез, крымские татары, Крымское ханство, земледелие, садоводство, ремёсла, реинтерпретация, общественная идентичность.

Для цитирования: Сейтхалилова Л. С. Этногенез крымских татар. Реинтерпретация истории. (Brian Glyn Williams) // Крымское историческое обозрение. 2019. № 1. С. 18-44. DOI: 10.22378/kio.2019.1.18-44

С распадом коммунизма в Восточной Европе Запад предстал перед фактом существования в этом регионе нескольких малопонятных мусульманских этнических групп, спорная историография которых прослеживается в Османской империи и ещё глубже в глубинах истории. Находившиеся вне поля зрения этнические группы, такие как болгарские турки-босняки, помаки, косовары, чеченцы и крымские татары, стали объектом пристального внимания как со стороны западных учёных, так и со стороны общественности. Огромный интерес обращён к вопросу идентичности этих мусульманских общин и их формированию, как к определённым этническим группам.

История формирования этих этнических групп во многих случаях являлась спорной теорией, так как власти Болгарии, например, пытались в 1980-х доказать, что болгарские турки на самом деле были «отуреченными болгарами» правительство Греции пыталось продемонстрировать, что помаки (славянские мусульмане) были на самом деле греками, принявшими ислам (исламизированными греками), а босняки своими сербскими националистическими недругами назывались «турками», вопреки своему славянскому происхождению.

Такого же рода дебаты велись вокруг идентичности одной из наименее исследованных мусульманских этнических групп Европы – крымских татар. В то время как крымские татары (которые были тотально выселены Сталиным со своей родины с 1944 по 1989 год) позиционировали себя коренным народом своей обожаемой полуостровной Родины, имея корни, которые прослеживались в ещё домонгольский период, в западных и советских источниках их представляли как «монгольских завоевателей» XIII века.

В своей работе, озаглавленной «Очерки по истории Крыма», П. Н. Надинский заявляет, что «Крым был превращён в грабительское логово под крылом турецкого императора» [1].

Затем Надинский продолжает лукаво опровергать притязания крымских татар на законную государственность и цивилизованную социально-экономическую активность. Согласно Надинскому: «Крымские татары стали приобщаться к мирной экономической деятельности неохотно и в очень небольшом количестве. Большинство же из них занималось бесконечными войнами и набегами с целью грабежа и получения прибыли» [2].

Большую часть своей истории крымские татары были, и как мусульмане, и как кочевники, представлены «иными» в христианской Европе, как ужасающие монгольские кочевники Чингисхана и как вторгающиеся армии османского султана, с которым крымские татары были союзниками. Совсем немного усилий было потрачено, чтобы критически проанализировать подобного рода представления о крымских татарах и дать реинтерпретацию истории народа, который до сих пор изображался как кочевые мародёры и постоянная угроза восточно-европейской аграрной цивилизации.

Происхождение. Древние народы Южного Крыма

Можно оспаривать то, что крымские татары являются древнейшей тюркской этнической группой Европы, но этот народ не смог проявить свою современную национальную идентичность вплоть до советского периода. Как часть обширной политики построения нации среди этнонациональных групп в течение 1920–1930-х годов в СССР, Советы построили практически однородную крымскотатарскую общность, которая вскоре займёт своё место в социалистической «дружбе народов». В этот период был организован кирил-

лический алфавит для крымских татар. Крымскотатарская культура (вернее, советизированная версия крымскотатарской культуры) обеспечивалась в Крымской АССР, и географические, лингвистические и этнические различия, которые на полуострове издавна разделяли несколько крымскотатарских субэтносов, начали постепенно распадаться. Этот гомогенный процесс был усилен депортацией всего крымскотатарского народа в Среднюю Азию в 1944 году. Рассредоточение крымскотатарского народа на таком отдалённом расстоянии привело к разрыву многих устоявшихся в регионах обычаев, диалектов и табу, которые когда-то разделяли этот гетерогенный народ у себя на родине. Данный факт очень хорошо просматривается в современном гибридном (смешанном) языке крымских татар, он представляет собой смесь ранее отчётливых диалектов Северного и Южного Крыма, который известен как «язык средней полосы» – *Orta Yol*.

В то время как современные крымские татары стали сравнительно гомогенны в результате опыта, полученного в период Советской власти, они явно имеют комплекс этноистории и были веками отдельными народами. Нигде эта сложная структура не видна так отчётливо, как в крымскотатарском языке, который содержит элементы и огузского, и кыпчакского вариантов тюркского языка (*Oghuz Turkic* и *Kipçak Turkic*). Традиционно крымские татары северных степей Крыма известны как *Nogais* или *Çöl Halqi* – «ногаи» или «степной народ» (*the steppe People*), говорили на чисто кыпчакском языке, известном как ногайский, который близко родственен казахскому языку. Те, которые жили в центральном регионе, говорили на гибридном, смешанном языке, в который входил меланж лексики из кыпчак-тюркского и огуз-тюркского языков. Крымские татары, проживающие на скалистой поверхности Южного берега Крыма, говорили на языке, известном как *Qrim Tatar* – крымскотатарский, который был чисто огузским и относился к *Osmanli* (Ottoman – османский) [3].

Причина такого сложного положения кроется в уникальной географии Крыма и сложной истории заселения полуострова. Две трети северной территории Крымского полуострова является продолжением Евразийской степи, и кочевые группы, мигрирующие с востока, такие как скифы, сарматы, гунны, хазары, печенег, кыпчаки (**половцы** в русских источниках и **куманы** (*Cumans*) в венгерских источниках) и монголы, обнаружили, что эти места являются прекрасными пастбищами для их стад. Крымская равнина простирается в южном направлении, однако на её пути встречаются предгорья и горы, и вследствие этого регион является менее гостеприимным для пасторального образа жизни кочевников. Для степных пастухов, обожающих широкие открытые пространства Евразийской степи, долины и зубчатые ущелья южной горной цепи, составляющие треть Крымского полуострова, явно представляли препятствия во время пути их следования.

Как и в Кавказских горах, жители высокогорного региона мудро избегали открытых столкновений с могущественными степными наездниками и предпочитали обороняться за крепостными валами горных крепостей. Роль Крымских гор в истории Крыма, таким образом, можно сравнить с регионом горной цепи Кавказа, который был описан как «заповедник народов». Мириады древних племён или этнических групп искали прибежища в недоступных долинах высокогорных цитаделей горных гряд Кавказа, а в некоторых регионах Кавказа в каждой долине проживали различные этнолингвистические группы. В большей части своей истории такая ситуация доминировала и в Крыму. Путешественник, который в тринадцатом веке посетил Крым, монах Уильям Рубрук (Friar William of Rubruck) так писал об этом регионе: «Вдоль морского побережья расположены высокие мысы, начиная от Херсона (Западный Крым) и до устья реки Танаис (Дон), и между Херсоном и Солдайей (Судаком) расположены «Сорок поселений», почти каждое из которых имеет свой собственный диалект: в состав населения входит много готов, язык которых – немецкий» [4].

В то же время этот источник может иметь в виду и горную крепость, известную в татарском как *Kirk Yer* («Сорок мест, посёлков»), его описание лингвистического многообразия этой местности может быть поистине интернациональным. Большая часть такого разнообразия происходит из факта, что в поиске лучших пастбищ кочевые племена были вынуждены бежать в южные крымские горы, преследуемые более сильными кочевыми группами. Те, которые бежали в горы, как, например, иранские скифы, часто смешивались с более ранними поселенцами этого региона. Как и многие будущие кочевые союзы, скифы были разгромлены сарматами, более могущественной кочевой группой, пробивающейся на запад в поисках пастбищ. Иранские сарматы были, в свою очередь, разгромлены германскими готами, которые сами потом были обращены в бегство, казалось бы, непобедимыми гуннами. Как часто происходило в кровавых сражениях за территории на равнинах окраины Европы, гунны отодвинули разгромленные племена готов далее на запад, где они прорвали ослабленную оборону Римской империи и разгромили Римскую державу на западе. Разрозненные остатки остроготов (Ostrogoths, Eastern Goths – восточные готы), однако, мигрировали южнее, в горы Крыма, там они смешались с остатками других скифских и сарматских племён (наиболее вероятно, сарматские племена, известные как аланы), поселившиеся в этом регионе после того, как их самих вытеснили из степи [5].

Из своих горных цитаделей, таких как Мангуп в Юго-Западном Крыму, крымские готы доминировали в Южном Крыму, земле, которая тысячелетие назад, по современным западным источникам, была известна как *Gothia Maritime* (*Готия Морская*). В то время как хозяева крымских равнин менялись с бешеной скоростью (вслед за гуннами последовала тюркская феде-

рация, такая как кок-тюрки, хазары, чёрные булгары и, наконец, кыпчаки), присутствие готов в Крымских горах оставалось неизменным. Только когда тюрко-кыпчакские кочевники приобрели контроль над Крымской равниной в 1000-х годах, ситуация в западной степи, с тех пор известной как **Дешт-и-Кипчак** (*Desht-i-Kipçak*), стабилизировалась.

Народы крымского Южного побережья. Греки, итальянцы и армяне

Как бы ни были могущественны хозяева Крымских равнин, тюрко-кыпчакские кочевники оказали очень мало культурного влияния на горных готов, которые были более глубоко задеты процессами, происходящими на Южном побережье Крыма. Доминирующее влияние в регионе имели греки, которые контролировали эту тёплую южную территорию, известную грекам как «*Climata*» ещё со времён Гомера. Греки-мореплаватели появились на Северном побережье «*Pontus*» (греч. «Чёрное море»), включая и Южный берег Крыма, в VI веке до нашей эры как колонисты [6].

Веками греческие поселенцы оказывали культурное и социальное влияние на своих горных соседей – «варваров», таких как тавры и киммерийцы (о которых мы знаем очень мало), скифов, сарматов и, наконец, готов.

Начиная с VI века и далее правители ортодоксального (православного) христианства византийских греков получили контроль над Южным побережьем, и греческий язык, который был так переплетён с восточными ортодоксальными ритуалами, начал распространяться среди готов прилежащих гор. Многие ставшие греками православные готы фактически оказались под контролем Византии, когда византийский император – экспансионист Юстиниан (Justinian, 527–565) и его преемники построили крепости на побережье таких городов, как Алустон (современная Алушта), Горзувита (Гурзуф), Боспор (Керчь), Херсон (окрестность Балаклавы), чтобы усилить контроль над этим стратегическим регионом.

В X веке русские язычники обосновали княжество у подножья Кавказа на Таманском полуострове, который был расположен как раз напротив Крыма через узкий Керченский пролив. Из этого княжества, известного как Тмутаракань, русские более века оказывали значительное влияние на Восточный Крым (Керченский полуостров) [7].

Влияние, однако, не было односторонним. После подавления бунта в византийской Анатолии великий русский князь был обращён в православное христианство в крымском городе Херсоне, после того как женился на дочери императора Василия II в 988 году. Крымский полуостров с тех пор имел большое историческое значение для русских христиан, которые следовали пути своего правителя по принятию восточного обряда.

В то время как вопрос о влиянии славян на культуру и облик Крыма в средние века является весьма спорным, влияние греческого присутствия на облик крымского полуострова неоспоримо. В течение этого периода Южное побережье полуострова было густо населено греками из Анатолии, которые искали религиозную и политическую свободу (особенно в период иконоборческого движения) [8].

Включение Крыма на карте X века в состав Киевской Руси было бы введением в заблуждение, крымское побережье большую часть раннего средневековья было неотъемлемой частью византийского греческого мира. Города, такие как Херсонес, фактически прямо управлялись из Константинополя как провинцией [9].

Византийско-греческое влияние на южные территории Крыма оставалось неизменным уже половине тысячелетия, когда пограничные солдаты построили свои ряды против языческих соседей.

Погребальный звон для византийского политического влияния прозвучал фактически не со стороны беспокойных языческих племён территории Понты (Ponti), а со стороны своих же собратьев – христиан из земель католического Запада. В 1204 году западные крестоносцы в ходе сражения с неверными Святой земли обратили свои усилия на более выгодную задачу грабежа столицы восточных – православных «еретиков», на Константинополь. С распадом византийского влияния на Южный Крым западные купцы из республики Венеция и Коммуны Генуи начали состязаться за право контроля над доходной возможностью торговли на Чёрном море [10].

Находясь в разное время в союзе с обоими латинскими правителями, завоёванной столицы – Константинополя и византийским императором, который искал возможность восстановить контроль над прежней столицей, итальянские торговые империи постепенно приобрели контроль над могущественным византийским транзитом торговли на берегах Чёрного моря [11].

Из-за стен городов-крепостей, таких как венецианский порт Судак, генуэзский порт Каффа (современная Феодосия), Лупико (современная Алушта), Чембало (Балаклава), враждующие итальянцы правили греческим прибрежным населением Крыма и достигли процветающих торговых отношений с племенами отдалённых районов акватории Чёрного моря [12].

Более двух сотен лет генуэзцы (со временем получившие преимущество в этом регионе) и их более слабые венецианские соперники поддерживали нестабильную власть над одной из первых в мире колониальных империй, они оба воевали и торговали с соседними православными готами и кочевыми племенами кыпчаков внутренних равнин Крыма [13].

Первоначально эта власть не подвергалась угрозе, когда монголы захватили власть над кыпчаками северных равнин. В 1230-х годах монгольские

армии Бату-хана (которые по этническому составу в большей части были тюркскими) прокатились в северном направлении и поглотили более древние племена кыпчаков Южной Украины и севера Крымской равнины. Когда монгольская правящая верхушка начала вступать в смешанные браки с доминирующим тюрко-кыпчакским элементом и приняла ислам, этому кочевому племени был дан этноним *татары* (до сих пор не известно, как название потерпевшего поражение монгольского племени – *татары* – в те времена достигло западных степей).

К середине 1300-х годов исламизированные, говорящие на кыпчак-тюркском языке степные кочевники завершили свой этногенез, и татарские ханства, управляемые потомками Чингисхана, сформировались в Астрахани, в Казани на Волге и в Крыму к середине 1400-х годов.

Несмотря на случайные, вспыхивавшие время от времени стычки кыпчаков с татарскими кочевниками, итальянцы Крыма более двухсот лет управляли многоязычным населением греческих фермеров, греко-готских горных пастухов и достаточно большим армянским населением. С распадом армянского царства в восточной Анатолии, во время нападения тюрков-сельджуков в XI веке, армянские мигранты начали прибывать на берега Крымского полуострова в поисках пристанища [14].

К 1400-м годам две трети великого генуэзского центра торговли переместились на южные берега Крыма, например, в Каффе были армяне, и Крымский полуостров в различных источниках того времени именовался как «Армения морская», или «Армения Магна» [15].

Армянские переселенцы в Крыму строили монастыри, обрабатывали землю и в этом процессе стали важным этническим компонентом Южного берега Крыма.

Подъём Татаро-Османского альянса (союза)

Modus vivendi между правящими прибрежными итальянцами и татарами с равнин, которые постепенно приобретали власть над соседними горными регионами, начал распадаться в начале пятнадцатого века. К 1400-м годам государство татар, известное как Золотая Орда, правящее землями к северу от итальянского побережья, потеряло свою сплочённость, в то время как большие татарские кланы стали воевать за доминирование в этом и других периферийных регионах, таких как Крымский полуостров. К 1430 году могущественные крымскотатарские «кланы» Крыма, особенно Барыны, Аргыны, Ширины и кыпчакские племена, начали замышлять отделение от приходящей в упадок Золотой Орды. Однако, чтобы усилить своё влияние, *бейи* (главы рода) этих кланов Крыма осознали необходимость пригласить править ими *ak söyük* («белая кость»), т. е. происходящего из королевского

рода Чингисхана. Таким образом, приглашение править Крымским юртом было сделано претенденту, потерпевшему поражение в притязаниях на трон Золотой Орды и живущему в Литве, – Гераю (1443–1460) [16].

Хаджи Герай хан искал возможность приобретения контроля над могущественными поселениями генуэзцев, чтобы усилить положение нового государства *vis-à-vis* к Золотой Орде. Особенно он хотел использовать мощь генуэзского порта Каффа, имея целью приманить в своё государство мощные кочевые племена из степной части Крыма (к XIV веку это были кочевые племена, известные как *ногаи*). Для крымских татар стены Каффы, однако, представляли непреодолимое препятствие, т. к. у татар не было осадных технологий, чтобы пробить грозную оборону итальянцев.

Итальянцы, упорно держась за свои колонии, пытались одновременно играть с одной из политических партий татар против другой во время частых гражданских войн среди населения. Во время одного из таких конфликтов, после безвременной смерти Хаджи Герай хана, некая партия попросила помощь у Османской империи (которая в это время быстро расширяла своё влияние на христианских Балканах) против назойливых генуэзцев. Было вполне естественно, что тюрко-мусульманские татары Крыма обратились к самой могущественной военной державе в Восточной Европе того времени, восходящей империи мусульман, османским туркам за помощью в своей внутренней борьбе со всё ещё сильными итальянцами. Правящий османский султан Фетих Мехмет (Мехмет II «Завоеватель») показал мощь нового османского артиллерийского корпуса при завоевании Константинополя в 1453 году, амбициозный султан горел желанием использовать свои устрашающие бомбардировщики против остатков христианского правления в регионе Чёрного моря. В 1475 году сам оттоманский садразам (великий везирь) Гедик Ахмед Паша отплыл с флотом в три тысячи вёсел в Крым, чтобы искоренить последнюю точку опоры упрямых итальянских колонистов в северной части Чёрного моря и вмешаться в борьбу за право престолонаследия между несколькими сыновьями Хаджи Герай хана. После высадки на берег Крыма с помощью татар Гедик Ахмед не стал терять много времени, чтобы атаковать христианские прибрежные крепости. Одна за другой пали устаревшие оборонительные сооружения итальянских городов под яростной атакой новых, мощных пушек великого везира. Большая часть генуэзского правящего класса была насильственно переправлена в Стамбул, но многие сбежали в земли крымского хана, который провёл большую часть жизни в Каффе [17].

После завоевания генуэзских крепостей и высылки итальянских правящих классов турецкие захватчики присоединили завоёванные земли на Южном побережье (и другие стратегические места на Восточном побережье Крыма, такие как крепость Ени-Кале и Керчь) к Османской империи. Находящееся

в эмбрионном состоянии Крымское ханство династии Гераев с тех пор стало делить Крым с новым могущественным соседом – Османской империей.

В юго-западных горах Крыма греко-готская династия, давно правящая за стенами горного плато города Мангуп, не имела защиты против пушек султана, и этот последний остаток древних остроготов пал перед могущественным османским завоевателем в 1478 году. За короткий промежуток времени зелёное знамя ислама стало развеваться над всем Крымским полуостровом, когда союзники татары и турки приобрели власть над Южным берегом, южными горами и северными равнинами полуострова. Османский летописец записал это событие таким образом: «От имени султанов молитва ислама была прочитана (на Мангупе), чтобы жилище неверных стало жилищем ислама» [18].

Впервые за всё зарегистрированное в истории время чувство политического объединения стало превалирующим на разрозненных землях Крымского полуострова в то время, когда доминирующие тюрки-мусульмане распространили власть над северными равнинами, горами и Южным побережьем.

Татаризация древних крымских рас

Параллельные процессы тюркизации и исламизации этнически разнообразного населения Крыма, которые начались столетиями ранее, ускорились с установлением тюрко-татарского правления на этой прежде разъединённой земле. Греки, армяне и турецкие завоеватели побережья – горные готы, кыпчак-татары с равнин – вскоре начали процесс слияния и адаптации к исламу, и это привело к формированию крымскотатарского этноса. Как и в завоёванных османских провинциях, населённых балканскими христианами, такими как сербы и болгары, незначительное влияние было оказано на христианское население Крыма: армян, греков, греко-готов, чтобы обратить их в ислам. В последующие века, однако, целые деревни в Крымских горах и османских прибрежных провинциях по ряду причин приняли ислам. В своём обзоре демографии Османской прибрежной провинции, которая была установлена на Южном побережье, находящейся под протекторатом Крыма, Алан Фишер пишет: «Так как не существует указания на тенденцию насильственного обращения (фактически в XVI веке Османы выявили отсутствие необходимости насильственного привлечения в ислам, поскольку мусульмане платили более лёгкие налоги, чем немусульмане), можно предположить, что совместный экономический и социальный фактор сделал обращение в ислам более привлекательным» [19].

Как было упомянуто ранее, греческие религиозные инакомыслящие из Анатолии ещё ранее мигрировали на Крымское побережье, чтобы избежать религиозное преследование в Анатолии (особенно в период иконоборства).

Инакомыслящие могли принять ислам по той же причине, по которой боснийские еретики богомилы (Bosnian Bogomil heretics) обратились в ислам и в тот же период, чтобы избежать притеснений со стороны своих религиозных собратьев – христиан.

Османские дефтеры (*defters* – бюрократические, чиновничьи записи) указывают на увеличение мусульманского населения Крыма в течение XVI века. Согласно Джайлсу Вайнштейну (Giles Veinstein), процент мусульман в санджаке Кефе (то есть, турецкая прибрежная провинция Каффы, известная по турецкому названию Кефе) увеличился с двадцати процентов до сорока семи с начала управления османского султана Селима I и до его последователя (наследника) Сулеймана (первая пол. XVI века) [20].

Увеличение мусульманского населения побережья частично отображает миграцию мусульман из Анатолии в новую провинцию Османской империи (процесс, который действительно начался в эпоху сельджуков), но это также указывает и на рост обращения в ислам местного греческого и армянского населения Османской прибрежной провинции [21].

Количество армян, обращённых и записанных как «сыновья Абдуллы» (*Абдуллах* означает слугу или обращённого в веру Аллаха), было особенно отмечено в этот период [22].

Этот процесс сравнивался с более ранним обращением в ислам греко-готов в Крымских горах, которые обратились в ислам и стали «татарами», когда татары начали селиться в Крымском нагорье. В своём рассказе о крымских готах А. Васильев пишет: «К концу XIII века многие народы Крыма, включая готов, татаризировались». Историк продолжает констатировать, что ещё в середине тринадцатого века «готы так татаризировались, что их нельзя было отличить от татар» [23].

Ко времени завоевания Османами в 1475 году цитадели готов на Мангупе многие ранее православные горные готы сменили свою этничность, вступив в этнорелигиозную общину татар. Таким образом, последние следы готов исчезли, перейдя в создание нового крымского народа, исповедующего ислам, который сформировался в период Крымского ханства.

«Таты» Крыма

В конце XIX – нач. XX века немецкие историки и националисты (среди них и Адольф Гитлер) заново открыли утерянную историю своих предков – готов и обнаружили этих своих потомков живущими среди татар. Немецкий источник от 1806 года отмечает, что крымские татары, проживающие в горном регионе, были уверены в своём христианском происхождении [24].

Русский путешественник XIX века в регион юго-западных гор, где проживали готы, был уверен, что «по все вероятности, их (готов) потомками яв-

ляются татары в ряде деревень Крыма, которые резко отличаются от жителей соседних деревень высоким ростом и другими чертами, характерными для скандинавов» [25].

Более недавние исследования, такие как труды Мишеля Казанского о готах, подчёркивают, что «по всей вероятности, остатки крымских готов сохранились в «тюркской» основе татарского населения» [26].

Достаточно интересно, что современные крымские татары видят себя как потомков «черкесов, готов, древних греков, итальянцев и армян» и не идентифицируют себя с монголами [27].

Вполне вероятно, что горные готы фактически приняли ислам и стали «татарами», хотя как мусульмане-единоверцы они были достаточно постепенно приняты кыпчак-татарским кочевым населением степи в свои ряды.

Ганс Шильтбергер (Hans Schiltberger), раб из Баварии, который посетил этот регион в 1396 году, утверждает, что татары прилегающих равнин использовали насмешливый термин «тат» (Tadd) при описании своих соседей по побережью, которые приняли ислам [28].

По П. Бруну (P. Brunn), термин «тат» означал религиозный «отступник, ренегат» или «завоёванная раса» на местном тюркском диалекте, и крымские татары применяли насмешливый термин *Tadd* к татарам Южного побережья, потому что не считали их чистого происхождения, вследствие связи их предков с греками и генуэзцами [29].

Термин имеет тот же корень, что и пренебрежительный этноним «тат», использовавшийся тюрками Кавказа при описании ранее не тюркского населения данного региона, как, например, еврейские горные таты (Jewish Mountain Tats). Этот термин появился также и в Средней Азии и использовался кочевыми тюрками по отношению к неоседлым иранцам этого региона (т. е. таджикам). В своём анализе предков крымских татов Эдмонд Шутс (Edmond Schuts) пишет: «Антропологическая разница между татарами и татами совершенно очевидна, истинные татары – круглолицы, низкого роста и смуглые, среди татов же превалируют два типа: наиболее характерные черты многих из них – это высокий рост, светлые волосы и голубые глаза» [30].

Этот же источник указывает, что наличие кавказских черт среди татар, которые ошибочно стереотипированы как монголоидные, лежит в истории этой субгруппы. Факты специфических антропологических черт, которые резко отличают их от татарского населения, могут быть найдены в более ранней истории Крыма. В свете до сих пор обнаруженных и описанных исторических и географических открытий таты из Байдар и Айселя (Baidar and Icel Tats) могут быть классифицированы как этническое смешение населения древних готов и аланов, которые приняли язык правящего класса татарских племён. Это заключение решает проблему скандинавских и иранских особенностей черт характера и внешности татов [31].

Советский археолог и этнограф Б. Куфтин замечает, что с тюркизацией и исламизацией «греков-аборигенов», «греков-готов» и «части армян» культурные и лингвистические различия между этими народами и татарами сократились [32].

В данном процессе эти древние народы начали амальгамировать, и на Крымском полуострове возник отчётливо *крымский* вариант «татарской» этнической группы, который во многих отношениях отличался от татарского населения татарских ханств Казани, Астрахани и чистокровных татарских кочевников степей Украины и Северного Кавказа, известных как ногаи. Так же, как и босняки, и помаки были сформированы на Балканах, когда местные славяне в течение четырёх столетий османского правления приняли ислам (процесс, известный среди балканских христиан как «превращение в турков»), новая этничность сформировалась на земле Крыма, когда более древние греки, готы, армяне и итальянское христианское население приняли ислам и «стали татарами» [33].

Не надо, однако, заблуждаться, видя в татарах, сформировавшихся на Крымском полуострове, гомогенную этническую группу. Субэтнические различия в образе жизни, диалекте, внешности и экономической деятельности между тат-татарами побережья, гор и кыпчак-татарами равнин (к пятнадцатому веку известными как *ногаи*) оставались вплоть до XX века. В моих интервью с крымскими татарами в Крыму и Узбекистане в 1997 году несколько крымских татар мне говорили, что тат-татарам с Южного берега часто запрещали жениться или выходить замуж за ногай-татар с побережья вплоть до тотальной депортации народа в 1944 году! [34]

Светлокожие, имеющие европейскую внешность, с экономикой, основанной на горном ступенчато-террасном (step terracing) и отгонном овцеводстве, образ жизни горных тат-татар значительно отличался от кочевых ногай-татарских пастухов, которые кочевали по открытым равнинам северных степных земель Крыма. Ногаи северных крымских равнин и степей Южной Украины могли быть представлены, в отличие от татов с юга, как другой этнос. Кочевые ногаи, вероятно, приобрели свой этноним от амира Ногая, могущественного полководца татар, который играл роль создателя трона Великой Орды в 1280–1299 гг.

Название «*ногай*» (по-монгольски, «собака») относится к монгольскому тотему, а ногаи были кыпчакизированными монголами из великого клана монголов Мангыт (Mongol Mangit clan). Странствуя двумя обширными ордами, которые могли включить армии в 200 000 всадников, ногаи доминировали в кыпчакских степях от Волго-Уральского междуречья и до устья реки Дунай большую часть XV и XVI веков.

Ногайские конфедерации фактически были такими мощными, что могли разгромить и уничтожить крымского хана Мехмед Герая (1515–1523 гг.), когда его экспансии за пределами Крыма были восприняты как угроза их независимости [35].

К XVII в. ногайские орды, однако, попали под влияние со стороны буддийских джунгар монголов и вторгающихся казаков и в поисках протекции крымского хана и его мощного османского сюзерена начали входить в Крым. Таким образом, ногаи стали жизненно важным компонентом Крыма, но всё ещё продолжалась тенденция, когда тат-татары Южного берега Крыма, говорившие на более доминирующем огузском языке, смотрели на них, как правило, несколько свысока. В то время как язык прибрежных татар после завоевания Османами в 1475 году, был турецким, происходящим от огузской ветви тюркского языка, язык горных татов оставался под сильным влиянием кыпчакской ветви тюркского языка, на котором говорили ногайские кочевники крымских степей, и считался татами, живущими на побережье, грубым и неудобным. Вдобавок жители прибрежной османской провинции, сконцентрированные в провинциальной столице Кефе, адаптировали высокую османскую культуру турецкой Анатолии, когда волны тюрков поселились в этом регионе (особенно во время восстания джелали, разрушившего в XVII в. Анатолию).

Принявшие ислам жители побережья придерживались многих своих древних греческих и армянских традиций и сельскохозяйственных навыков, постепенно они стали известны горным татам и кочевым ногаям как *ялыбою таты* (*Yaliboynu* – жители побережья), термин, который отличал их от соседних групп татар. Хотя ялыбою-татары (или *ялыбою таты*) действительно содействовали развитию этнического компонента развивающейся крымско-татарской нации, они, тем не менее, подтверждали греческий, итальянский и армянский тип внешности и многое из культуры своих предков – мореплавателей, которые проживали на этих берегах ещё на рассвете истории.

Крымские татары, таким образом, могут быть рассмотрены как гетерогенная этническая группа, имеющая свои корни в глубочайшей крымской античности и притязаящая на происхождение от огромного множества более ранних этнорелигиозных групп, которые занимали разнообразные территории Крымского полуострова. В самом деле, процесс разрыва более старых географических идентичностей среди крымских татар ещё не был завершён, когда крымские татары были оторваны от своей родины в 1944 году, но основа более широкого понятия крымскотатарской групповой идентичности была заложена с исламизацией этого народа в XV–XVI веках.

Анализ культуры крымских татов

Как становится совершенно ясно, отчётливый субэтнос, известный как *таты*, возник на юге Крымских гор и на защищённом Южном побережье с XIII по XVI века. Будучи тоже мусульманами, этот субэтнос не имел ничего общего с кочевыми татарами, которые перемещались по северным равнинам

Крыма и прилегающим степным землям украинского материка. В то время как кыпчак-татарские кочевники равнин (т. е. *ногаи*) были известны своими разбоями и набегами за рабами на земли украинцев, поляков, молдаван и черкесов, оседлое население крымского южного побережья не могло быть описано как «степные волки». Вопреки факту, что не существует статистики Крымского ханства, имевшего какое-либо отношение к этому досовременному населению, становится совершенно очевидным, что редконаселённые кочевые степи Крыма содержали меньше населения, чем южнобережные горные и прибрежные районы полуострова. Южный регион описывался как «уникальная колыбель формирования коренного этноса» [36].

Крымские татары правы в своих притязаниях, что они формировались в южных горах, поскольку это были именно оседлые крымские татары, насмешливо именуемые «*таты*» гордыми кочевыми *ногай-татарами* крымских равнин, которые снабжали ханство многочисленными ремесленниками, мастерами, чиновниками, фермерами и, одним словом, создавали этому растянутому государству административное ядро. К. Конгоншвили (K. Kongonshvili) пишет: «Исламизация коренного населения произошла, и горно-лесные зоны полуострова стали центром формирования этноса, этноса крымских татар» [37].

Эти оседлые тат-татары готского, аланского, генуэзского, армянского, итальянского, греческого, анатолийско-турецкого и кыпчак-татарского происхождения были уверены в своей отдельной идентичности и даже были признаны самим крымским ханом как народ, отличающийся от *ногай-татар*. Обладая королевским титулом (*royal title*), крымский хан Джанибек Герай, например, заявляет: «Быть Великим Падишахом (султаном) Великой Орды, великого юрта (в смысле татарского государства), Дешт-и-Кыпчака, трона Крыма, правого и левого крыла, множества татар и многочисленных *ногаев*, *татов*, *тавгачей* (это слово среднеазиатского происхождения и в этом контексте непонятное) и горных черкесов» [38].

Среди официальных лиц крымского хана интересно отметить наличие министра ведающего делами *татов*, известного как *Tat ağası* (*Tat ağasi*), («Господин *татов*») [39].

Преобладание татарского элемента на Южном побережье было продемонстрировано фактом, что эта территория была известна как *Tat-ili* (Земля, страна *татов*) в татарских и османских источниках [40].

С течением времени различие между татарами, которые поселились в Бахчисарае, Карасубазаре, многочисленных сёлах в южных горах или на османском побережье, и всё ещё кочевыми *ногаями* крымских степей усугублялось вопреки тому, что они исповедали одну религию – ислам. Например, *ногаи* степных кланов, таких как *найманы*, *конраты*, *карлуки*, *кериты*, *аргуны* и *кыпчаки*, продолжали сохранять свой образ жизни, в то время как

татары юга приняли образ жизни оседлых греков, армян, евреев-караимов, турок и потеряли многие свои клановые связи. В то время как ногаи сохраняли свой «истинный» степной образ жизни, исламские традиции османов создали прецедент среди оседлых крымских татар юга.

Прибрежное население османской провинции Каффа (известное как *ялыбою*, «прибрежное») попало под сильное влияние Анатолии во время османского доминирования в этом регионе (1475–1783), и было очень мало различий между обычаями и диалектом этой субгруппы с теми же турками. Прибрежный тат-татарский, анатолийско-огузский, тюркский диалекты отличались от кыпчак-тюркского диалекта степных ногаев, и этот лингвистический барьер, конечно, увеличивал разницу между двумя народами. В то время как крымские татары в целом характеризовались «как степные волки», вероятно, что именно дерзкие ногай-татары продолжали набеги на соседние земли и обеспечивали отважную кавалерию крымского хана во время его всё более ограниченных набегов на хорошо охраняемые земли русских и поляков. Ногаи современниками считались «врождёнными всадниками» как результат своего кочевого образа жизни и составляли кавалерийские силы *par excellence*, в то время как долго собирающиеся (организующиеся) таты были менее приспособлены к верховой езде и степным сражениям. Более поздние источники отмечают разницу в искусстве верховой езды тат-татар и ногаев. Согласно источнику XIX века: «Горцы неуклюжие всадники, в чём они схожи с северными татарами. Их соседи (ногаи) ездят очень смело и хорошо. У меня была возможность видеть двух ногайских мальчишек-пастухов, которые гнали своих коней галопом около Koslof (Gozleve) и проявляли сноровку и проворство, которые были действительно удивительными» [41].

Источники подчёркивают тот парадокс, что «основная масса крымских татар во время нападения состояла в большей части не из крымцев, а из обитателей причерноморских степей» [42].

Кажется, «что мирная идеология земледельцев, пастухов и пахарей должна была стать преобладающей в Крыму, и первые свидетельства этой победы стали заметны к XVII веку» [43].

В процессе заселения и смешивания с народами юга Крымских гор Вильям Макнейл (William McNeill) говорит о более «мирном» и «аристократическом» обществе, возникшем среди крымских татар, которые чувствовали соблазн оседлого земледелия [44].

В своей статье XVII века о крымских татарах Г. Н. Левицкий писал таким образом: «Крымские татары потеряли воинственные тенденции, постепенно осели на полуострове и стали привычными к оседлому образу жизни и привязались к земле» [45].

А. Андреев заявляет, что к 1700-м годам большинство жителей Крымского

полуострова были уже оседлыми с сельскохозяйственным образом жизни [46].

Ко времени завоевания Крымского ханства Российской империей Гунманн так писал о крымских татарах: «Они все оседлые и живут в домах, деревнях и городах, кроме некоторых ногаев, которые недавно перебрались в Крым. Они заняты выращиванием зерна, винограда и садоводством, хотя всё ещё не так усердно, как надо бы» [47].

Русский историк Елена Дружинина упоминает о противоречиях во времена ханства в социально-экономических условиях жизни северных районов Крыма, населённых ногаями и теми, что жили на юге. Дружинина отмечает, что в «горах и плодородных долинах юга выращивание зерна достигло очень высокого уровня развития» [48].

Турецкий историк Кемал Карпат также в своей работе подчёркивает это различие и пишет таким образом о крымскотатарском народе периода ханства: «Это население жило в основном в двух совершенно разных географических регионах, и две разновидности населения, хотя и говорили на одном языке, разделяли одну религию, культуру, но проявляли совершенно разные социальные и профессиональные характеристики. Население прибрежных районов, преимущественно жители Восточного побережья, вели хорошо развитый городской образ жизни и были заняты торговлей, а также интенсивно занимались сельским хозяйством» [49].

Роль татов в истории Крыма

В то время как татарский историк Этхем Фейзи Гозайдин (Ethem Feyzi Gozaydin) описывает ногаев или кыпчак-татарских кочевников степи очень напоминающими своих ближайших сородичей, казахских кочевников Азии, с их «монгольским» обликом, кочевой культурой и кыпчакским языком, он указывает, что жители Южного побережья были очень похожи на фермеров Кавказа [50].

Это может быть отнесено к историческим связям между Кавказом и Крымом, которые прослеживаются в миграции древних народов с этой горной гряды на полуостров [51].

Более чёткий анализ «ядра» оседлых татар Крымского ханства, описание культуры крымских татар и привязанности к земле также рассеивают понятия, которые позже пропагандировались советскими источниками, что «главным занятием крымских татар были войны и грабежи с целью получения прибыли» [52].

В своём описании Крыма, например, русский историк Анатолий Якобсон пишет: «Вовлекшись в прямые и ежедневные отношения с местными жителями этого региона, в первую очередь с греческими земледельцами, оседлые татары не только начали медленно ассимилировать в сельские социальные

структуры, сформировавшиеся здесь ещё в средние века в виде деревенских сельскохозяйственных коммун, они приняли также и важные элементы древней материальной культуры, технику сельского производства и особенно технологию выращивания винограда и фруктов, технические методы работы ремесленников, так же как и форму планирования двухэтажных домов – с первым каменным этажом и вторым кирпичным, с древней формой корпуса здания, в котором часть секции дома висит над первым этажом» [53].

Этнос, известный как крымские татары, был большей частью сосредоточен в ряде деревень вдоль южных и северных отрогов Крымских гор, прикрепившихся на склонах гор и во внутренних долинах, таких как Акмесджит, Алушта, Судак, Карасубазар и Гурзуф. В своих исследованиях экономической географии этого региона Дэвид Линч (David Lynch) отмечает: «Хан жил в горном регионе Крыма, и здесь его непосредственные подданные, крымские татары, жили и поддерживали свойственный им образ жизни, в первую очередь – ирригационное сельское хозяйство» [54].

На землях, населённых деревенскими общинами тат-татар, персики, груши и другие фрукты выращивались очень искусно, виноградники культивировались на тёплых южных склонах *Ялыбою* (Yalıboyu – побережье), табак выращивался и для домашнего пользования, и на экспорт, производился мёд. В историческом отчёте так говорится о татарах: «Они были великими мастерами сельского хозяйства, развели сотни сортов яблок и груш, персиков, айвы, миндаля, инжира, были непревзойдёнными мастерами культивирования дынь, табаководства и овцеводства» [55].

Кемал Карпат пишет: «Татары, проживающие на побережье, или, как их называют, Yalıboyu, занимались торговлей и культивированием фруктовых деревьев, в то время как крестьяне, живущие на засушливых землях и внутренних степных землях Перекопа, снимали разнообразный урожай с засушливых земель» [56].

Крестьяне-мусульмане южных гор были особенно искусны в возделывании виноградников путём искусственного орошения. Согласно русскому отчёту (источнику): «Татары и турки были большими мастерами ирригации. Они могли искусно обработать малейший ручёек, отстойник, заполненный водой, и направить по вырытым в земле каналам к большим прудам... Они могли с помощью системы артерий орошать виноградники и сады на склонах гор» [57].

Тат-татары этого региона особенно славились своим умением искусственного орошения. Русский источник, Евгений Марков, описывает адаптацию тат-татар к этой уникальной окружающей среде таким образом: «Только в горах, и особенно в жарких скалистых горах, таких как в Крыму, человек в состоянии понять, что означает вода для жизни... Татары ищут источники, словно это золото, и ценят их как золото. Они вскрывают малейший кусочек

влажной земли в каменных стенах и постепенно превращают его в источник... Татары мастера ирригации и прокладывания водных путей» [58].

Среди продукции, производимой крымскими татарами, был и табак. Табак, производимый и экспортируемый крымскими татарами, курили и казаки в станицах Украины, и в чайханах (*chaikhanas*) Стамбула. Ещё один местный продукт, мёд, собирали с горных пастбищ и привозили с гор в местных телегах на экспорт из южных портов. Главными потребителями крымского мёда были турки, и интересно отметить, что османские султаны не употребляли никакой другой мёд, кроме как производимый в крымских горах села Османчик (с. Холодовка. – Прим. пер.) [59].

Описание крымских татар

В то время как степная родина ногай-татар представляет две трети Крыма, это были именно южные горы и холмы, которые считала своей родиной большая часть населения крымских татар. Люди, посетившие эти горные земли Крыма, представляют понимающее описание жителей региона, и это описание указывает на древние корни народа и подтверждает их аграрные связи с землёй. Отчёты рисуют также картину народа, который, несмотря на разделяемое исламо-турецкое наследие с ногай-татарами, говорящими на кыпчакском, они, тем не менее, продолжали устанавливать крепкие общественные идентификации с группой субэтнуса тат-татар. В своём отчёте, сделанном как раз перед Крымской войной, Чарльз Скотт (Charles Scott) чётко очерчивает различие между степными ногай-татарами и татами юга: крымские татары подразделяются на два вида: те, которые проживают на равнинах, и те, которые проживают в горных регионах. Не только это отличает их в обычаях, образе жизни и роде занятий, но ещё и сама раса: первые рассыпались по всей степи северной части полуострова, культивируют землю, разводят скот и лошадей, строят грубые дома из необожжённой глины. Вторые занимаются многими видами промышленного, индустриального ремесла, любят садоводство, культивируют табак, лён и вино, а внешне представляют облик кавказской расы. Они имеют более густые бороды, чем другие, и они выше среднего роста. Предположительно, они являются смешением рас, которые ранее обитали в Крыму, они похожи на турок или других европейцев, у многих из них каштановые волосы, и они светлокожие. Они утончены в манерах, благородно держатся, с естественной для них вежливостью и гостеприимством, честны в торговых и иных отношениях, экономны в еде» [60].

Ещё к середине XIX века степные и южные крымские татары отличались в диалектах, внешнем облике, средствах производства и в своём мнении друг о друге. Об этих горных жителях Паллас (Pallas) пишет, что кочевники но-

гай-татары не считают жителей гор истинными потомками своей расы и «называют их насмешливой кличкой *Таты*» [61].

Другой английский источник девятнадцатого века Х. Д. Сеймор (H. D. Seymour) при описании горных крымских татар сообщает нам: «Достаточно интересно, что волосы и бороды у этих горных жителей почти у всех одинаково светло-рыжие или льняные. Это обстоятельство, редко имеющее место в Крыму. Очевидно, все жители, которые в настоящее время проживают в деревнях, расположенных на Южном побережье, хотя и рассматриваются как татары, тем не менее являются отпрысками других народов, которые или приплыли сюда, или были согнаны с внутренних территорий (материка), и которые были здесь чужими для более поздних рас, но особенно для монголов: следовательно, аборигены *Crim Tatory* (крымские татары) считают их чужаками (пришлыми) и выделяют насмешливым именем *tam (Tat)*» [62].

В своём отчёте XIX века Ф. А. Фёдоров пишет: «Крымские татары должны быть подразделены на две группы: горные и степные татары. Суть горных татар – это смешение с древними обитателями Тавриды, с готами и греками. Они, в целом, имеют хороший рост, телосложение, и они темноволосы; черты лица правильные, внешность и манера держаться экспрессивны, они свободны и великодушны в обращении, а в речи вдумчивы и благоразумны» [63].

Описание горных татар в источниках девятнадцатого века часто различивает горных татар Крыма от татар Волги, а также от ногаев.

О. Воропонов писал об этих горных татарах следующее: «Среди них не было явных широких, высоких скул, с узкими глазами, которые постоянно встречаются среди татар, живущих близко к Волге. Наоборот, здесь у всех овальные лица и прямые длинные носы, то есть те, которые напоминают племена ариев (*Aryan tribes*)» [64].

Все аспекты образа жизни тат-татар, начиная от их смешанного огуз-кыпчак-тюркского диалекта с явными следами более древних языков, до особой фермерской технологии, разработанной их древними предками, были отшлифованы самой почвой и природой их засушливой горной или прибрежной родины. Многие из обычаев горных и прибрежных татар были отчётливо крымские и имели доисламские языческие или христианские корни. Крымские татары этого региона, например, праздновали такие весенние праздники, как Тепреч, Дервиза, Хыдырлез – чествование природы и земли, которые имеют слабое отношение к великим исламским праздникам [65].

На *Хыдырлез*, отчётливо христианский праздник с языческим или христианскими корнями, праздник почитания душ павших в боях (известный как «*Aziz Şehitler*», «*Святые Мученики*») поминались в православии в День Святого Георгия, 25 апреля, конными забегами, состязаниями по борьбе, с поеда-

нием на открытом поле специально приготовленного хлеба. Память христианских святых сохранилась также в древних названиях татарских деревень и гор, таких как Ай-Василь, Ай-Гурзуф, Ай-Даниль, Ай-Петри, Ай-Тодор.

О домах горных тат-татар путешественник XIX века Эдвард Кларк (Edward Clarke) писал: «Татары (the Tahtars) находят удовольствие в том, чтобы их дома полностью утопали в зелени листвы. Каждое из этих жилищ состоит только из одного этажа, с низкой плоской крышей, под деревьями, простирающими свои могучие ветви над всем зданием; так что деревня издали визуально определяется только по гребешку рощицы, под которой она спрятана» [66].

Путешественники также отмечают обычай горных татар встраивать свои дома в землю на склонах террасированных гор. В своём отчёте XIX века Ф. А. Фёдоров писал: «В южной части Крыма крымские татары не любят строить свои уникальные жилища там, где горы плоские, вместо этого они размещают их на склонах скал и устраивают их так, что им приходится строить только три стены, четвёртую составляет гора, на которую опирается дом. По подобному же способу строительства татарские дома всегда расположены на горных скалах, и расположены они в форме амфитеатра. Крыши домов плоские, формируют террасы и, поскольку они питают отвращение к протеканию, строятся дома самым тщательным способом. Терраса представляет для крымских татар почти весь дом; здесь они отдыхают после работы, здесь же они принимают гостей» [67].

Земли, заселённые террасированными деревнями тат-татар, составляют южную треть Крымского полуострова и состоят из прибрежной известняковой горной цепи, известной как *Яйла* (*Yaila*) (летние или горные пастбища татар). Известняковые (меловые) горы яйлы достигают высоты в 5000 футов и имеют постепенный склон на северной стороне перед резким обрывом на южном участке.

Эта цепь образует резкую заднюю часть или «стену» для узкого побережья, которое имеет множество «амфитеатров», на которых татары строят свои террасированные деревни. Путешественники, совершавшие визит в *ялыбою*, обнаруживали, что коренное население побережья напоминало жителей Греции и Италии. Этнические, лингвистические и культурные отложения более ранних христианских народов, таких как греки, генуэзцы, армяне, чья кровь и культура вошли в становление прибрежных тат-татар, прослеживались даже в девятнадцатом веке. Русский путешественник Евгений Марков, например, так писал о женщинах и детях *ялыбою* тат-татар: «Их лица совершенно европейские; белолицые, с правильными чертами, иногда румяные и полные огня, с тенистыми ресницами. Их дети особенно схожи с нашими детьми. В них нет ни капли монгольской крови. Когда вспоминаешь обычаи южнобережных крымских татар, свободу поведения их женщин,

празднование некоторых христианских праздников и традиций, их любовь к оседлому образу жизни, невозможно не прийти к убеждению, что так называемые крымские татары так же близки к племенам Кавказа, как и мы» [68].

Согласно Тунманну (Thunmann), ко времени аннексии Крыма русскими потомки великих генуэзских родов Гримальди, Дориас и Спинолы, которые, вероятно, приняли ислам, всё ещё получали привилегии от крымского хана» [69].

Эдвард Кларк (Edward Clarke) заявляет, что «на юге Крыма остатки генуэзского языка не совсем исчезли. Порой слетают с уст даже татар (Tahtar) выражения, очевидно, происходящие от этого народа» [70].

Например, татары с побережья использовали итальянский термин *fortuna* при описании морского шторма (фуртуна – по-крымскотатарски «шторм». – Прим. пер.), «парикмахер» был известен итальянским словом *berber*, а термин *macramé* был известен как слово, обозначающее «полотенце».

В отчёте конца XVIII Питер Паллас указывает, что итальянские слова, такие как *camera* (комната), *fenner* (лампа), *sciorbi* (глотать), *baril* (баррель) и многие другие были всё ещё в обиходе среди татар побережья. Паллас также упоминает, что татары использовали много греческих слов (таких как *ufatma* и *katavolat*) в вокабулярии виноградарства [71].

С осторожностью можно также отметить, что в случае с итальянскими словами многие из них появились также и в османском. Например, *fener* в турецком языке означает «лампа» и, возможно, вошло в крымскотатарский язык как заимствованное слово из Средиземноморского Леванта «Лингва Франка» (Mediterranean – Levantine lingua franca), основанного на итальянском. Вопреки этим лингвистическим особенностям археолог Б. А. Куфтин заявляет, что южнобережные татары деревень «Алупка, Ялта и Гурзуф разговаривают почти полностью на чисто южном турецком» (то есть на анатолийском – огуз-турецком), и эти формы турецкого распространились в районы окружающих гор, где развился смешанный кыпчак-огузский язык» [72].

В то время как язык *ялыбою* татар мог иметь прослеживаемую основу происхождения от анатолийского, заметного в поселениях этого региона в период Сельджукского султаната (Seljuk Sultanate), многие традиции здесь, как например строительство деревень на террасированных горных склонах (часто описываемых как «амфитеатр»), могут быть обнаружены на близлежащем Кавказе. Крымская приверженность к террасированным горным и прибрежным аулам (деревням) близлежащей Кавказской горной цепи видна из следующего описания деревень татар побережья *ялыбою*:

«Татары Южного побережья живут в деревнях, большей частью пристроившихся тыльной стороной к морю, среди виноградных террас и табачных плантаций, открытых навстречу горячему солнцу, на возвышающихся склонах гор, среди которых сквозь скалы пробиваются родники, которые формируют основную улицу деревни, затеняются местами одинокими деревьями. Они

расположены в живописных амфитеатрах, на фоне одинокого скалистого пейзажа, и в восточной, более открытой части крымского Южного берега деревни расположены далеко от моря, на более высоких подступах долины» [73].

В каждой деревне путешественник принимается с наиболее нежной заботой. Везде в его распоряжение предоставляются самый лучший дом, самые красивые диванные подушки и ковры, и в самых лучших апартаментах ему преподносят кофе и чубук таким образом, что это может быть оценено только теми, кто знает все неудобства, так же как и удовольствия, путешествия по Востоку. В татарских жилищах сёл Токлук, Коз и Отуз, с их плоскими крышами, возвышающимися на фоне холмов, которые обрамляют долину таким образом, что жители общаются друг с другом с террас своих домов. Ничто не может быть более живописным, чем вид этих террас вечером: к тому времени, когда всё население, мужчины, женщины и дети уже готовились к выходу из своих тёмных, прохладных комнат, где они ищут убежища от солнца в дневное время, чтобы устроиться на крышах своих домов. Наиболее приятное оживление следует за полуденным молчанием, громкие разговоры слышны со всех сторон, и очень живописный эффект производят различные группы людей, которые, всё ещё занятые домашними делами, теперь таким образом наслаждаются наступившей прохладой вечера [74].

Резюме

Однако этот анализ истории крымских татар не должен заходить слишком далеко. В то время как там существовало, и как это уже было продемонстрировано, оседлое аграрное ядро или субэтнический крымскотатарский этнос, происхождение которого можно проследить до древних, населяющих Крым домонгольских этнических групп, в Крымском ханстве также присутствовал и сильный кыпчакский кочевой элемент, датируемый 1000 годами, который подкреплялся более поздними ногайскими миграциями. Крымские ханы, которые жили в южном, оседлом регионе Крыма, в долинном городе Бахчисарае (Дворец-сад), действительно набирали из степи кочевых, говорящих на кыпчакском наречии ногай-татар в своё ханство. В то время как многие из великих кланов татар становились оседлыми и смешивались с более ранним крымским населением, ногай-татары сохраняли строго кочевой образ жизни и презирали оседлое население тат-татар. Это был именно кыпчак-татар-ногайский элемент, который дифференцировали по его алтай-монгольским чертам и кочевому образу жизни, с которыми большей частью сталкивались жители западных стран, а не с теми, которые представляли оседлое население (ядро) редко посещаемого Крымского ханства. Заявления со стороны таких, как Джил Флетчер (Giles Fletcher), совершившего визит в Москву в XVI веке, что татары, как кочевники, жили только в *юртах*, на самом деле

относится только к представителям татар-ногай в степи (*Tatar-Nogai*)» [75].

Ещё долго после знаменитого рейда Девлет Герай хана в Москву в 1571 г. эти представители продолжали оставаться угрозой для окружающих оседлых народов. Соседние христианские народы были правы в своих опасениях за стада и набеги за рабами представителей ногайского населения *Дикого поля*, как в то время была известна Южная Украина. Необходимо также признать, что Крым со времени своего основания и до позднего XVII века был центром работорговли, которое лишало соседнюю Россию, Украину и Польшу десятков тысяч крестьян, проданных в Османскую империю.

Однако, как указывает этот труд, татар-ногайский элемент в Крымском ханстве был ограничен крымской степью и соседними равнинами украинского материка и составлял только часть населения Крымского ханства. На самом деле большой процент населения жил в прибрежных деревушках и террасированных горных селениях на юге и во многом управлял Правительством ханства, базарами, исламскими религиозными учреждениями и аграрным сектором. Рассматриваемые в этих социально-экономических условиях, крымские татары были явно более чем просто «ворующие, угоняющие, грабящие соседи», как их рисовали советская пропаганда и традиционные западные источники [76].

Сама природа общественной идентичности и социально-экономической деятельности крымских татар Южного побережья, их привязанность к Крымской земле, как постепенно это становится совершенно очевидным, должны быть пересмотрены. Будучи только предварительным изучением, хочется верить, что настоящая работа приведёт к дальнейшему анализу в комплексе этнологии и истории крымских татар и, возможно, приведёт к более трёхмерному толкованию основательно не изученной истории этого народа.

Bibliography¹

1. P. N. Nadinskii, *Ocherkii po Istorii Kryma* (Simferopol, 1951), vol. 1, p. 78
2. P. N. Nadinskii, *Ocherkii po Istorii Kryma* (Simferopol, 1951), vol. 1, p. 65.
3. S. R. Izidinova, *Iazyki Mira. Tiurkski Iazyki* (Bishkek, 1997), pp. 298–299. Gerhard Doefler actually divides the Crimean Tatar language up into four distinct dialects: Southern Crimean Ottoman, Central Crimean Tatar (found around the Crimean Khanate's capital of Bahcesaray), Northwestern Crimean Tatar and Crimean Nogai. Gerhard Doefler, "Das Krimtatarische", *Philologiae Turcicae Fundamenta*, vol. 1, ed. J. Deny et. al. (Wiesbaden, 1959), p. 369.
4. S. R. Izidinova, *Iazyki Mira. Tiurkski Iazyki* (Bishkek, 1997), pp. 298–299. Gerhard Doefler actually divides the Crimean Tatar language up into four distinct

¹ Оформление библиографий оставлено как у автора.

dialects: Southern Crimean Ottoman, Central Crimean Tatar (found around the Crimean Khanate's capital of Bahcesaray), Northwestern Crimean Tatar and Crimean Nogai. Gerhard Doefer, "Das Krimtatarische", *Philologiae Turcicae Fundamenta*, vol. 1, ed. J. Deny et. al. (Wiesbaden, 1959), p. 69.

5. T. N. Vysotskaia, *Pozdnie Skify v Iugo-Zapadnom Krymu* (Kiev, 1972), pp. 187–188.

6. Elisaveta Todorova, "The Greeks in the Black Sea Trade During the Late Medieval Period", *Etudes Balkaniques*, III (1992), p. 45.

7. George Vernadsky, *Kievan Russia* (New Haven, 1948), p. 37.

8. I. A. Baranov, "O Vosstanii Ioanna Gotskogo", *Feodal'naia Tavrika*, ed. S. N. Bibikov (Kiev, 1974), pp. 151–62, p. 153.

9. Dimitri Obolensky, *Byzantium and the Slavs* (New York, 1994), p. 26.

10. Elie de La Primaudie, *Etudes sur le Commerce au Moyen Age. Histoire du Commerce de la Mer Noire et Colonies Genoises de la Krimee* (Paris, 1848), pp. 5–9.

11. *Bol'shaia Sovetskaia Entsiklopediia*, vol. 35 (1937), p. 306.

12. V. V. Badian, "Torgovlia Kaffy v XII–XV vv", *Feodalnaia Tavrika*, ed. S. N. Bibikov (Kiev, 1973), pp. 174–189.

13. John Meyendorf, *Byzantium and the Rise of Russia* (Cambridge, 1981), p. 49.

14. Berthold Spuler, "Kirim", *Encyclopaedia of Islam*, IV. New Ed., ed. by Bernard Lewis et. al. (Leiden, 1978), p. 136. pp. 136–143.

15. A. Iakobson, *Krym v Srednie Veka* (Moscow, 1973) p. 112.

16. Beatrice Forbes Manz, "The Clans of the Crimean Khanate", *Harvard Ukrainian Studies*, II and III (1978), pp. 282–309. Uli Schamiloglu, "The Qaraci Beys of the Later Golden Horde: Notes on the Organization of the Mongol World Empire", *Archivum Eurasiae Medii Aevi*, IV (1984), pp. 283–299.

17. Halil Inalcik, *Sources and Studies on the Ottoman Black Sea. The Customs Register of Caffa, 1487–1490*, vol. 1 (Cambridge, Mass., 1996), p. 150.

18. Alexander Vasiliev, *The Goths in the Crimea* (Cambridge, Mass., 1936), p. 255.

19. Alan Fisher, "The Ottoman Crimea in the Sixteenth Century", *Harvard Ukrainian Studies*, V (1981), p. 141.

20. Giles Veinstein, "From Italians to Ottomans: The Case of the Northern Black Sea Coast in the Sixteenth Century", *Mediterranean Historical Review*, I (1986), pp. 221–238.

21. Ibrahim Kafesoglu, *A History of the Seljuks*, ed. Gary Leiser (Carbondale, 1988), p. 73.

22. Giles Veinstein, "La Population du sud de la Crimée au debut de la domination Ottomane", *Sources and Studies on the Ottoman Black Sea. The Customs Register of Caffa, 1487–1490*, vol. 1, ed. Halil Inalcik (Cambridge, Mass., 1996), p. 150.

23. Vasiliev, *The Goths*, op. cit., no. 16, pp. 175–176.

24. V. E. Vozgirin, *Istoricheskie Sud'by Krymskikh Tatar* (Moscow, 1992), p. 93.

25. V. E. Vozgirin, *Istoricheskie Sud'by Krymskikh Tatar* (Moscow, 1992), p. 94.

26. Michel Kazinski, *Les Goths Ier-VIIe Apres J.-C.* (Paris, 1991), p. 124.

27. Etham Feyzi Gozaydin, *Kirim. Kirim. Turklerinin Yerlesme ve Gocmeleri* (Istanbul, 1948), p. 30.
28. J. Buchan Tefler, *The Bondage and Travels of Johann Schiltberger* (London, 1879), pp. 50, 176.
29. J. Buchan Tefler, *The Bondage and Travels of Johann Schiltberger* (London, 1879), p. 176.
30. Edmond Schutz, "The Tat People in the Crimea", *Acta Orientalia, Academiae Scientiarum Hungaricae*, XXXI (1977), p. 96.
31. Edmond Schutz, "The Tat People in the Crimea", *Acta Orientalia, Academiae Scientiarum Hungaricae*, XXXI (1977), p. 97.
32. B. Kuftin, "Iuzhnoberezhnye Tatory Kryma", *Zabveniiu ne Podlezhit* (Kazan, 1992), p. 241.
33. Vatro Murvar, *Nation and Religion in Central Europe and the Western Balkans-The Muslims in Bosnia, Hercegovina and Sandzak: A Sociological Analysis* (Brookfield, Wisconsin, 1989), p. 12.
34. The deportation of the Crimean Tatars and their subsequent exile in Central Asia had a homogenizing effect and sub-ethnic distinctions based on dialect, physiognomy and geography became irrelevant to the scattered Tatars in a short period. For an analysis of this process see: Brian Williams, "The Crimean Tatar Exile in Central Asia. A Case Study in Group Destruction and Survival", *Central Asian Survey*, XVII, 2 (1998); Brian Williams, "A Community Reimagined: The Role of 'Homeland' in the Forging of National Identity", *Journal of Muslim Minority Affairs*, XVII, 2 (1997), and *A Homeland Lost: Migration, the Diaspora Experience and the Forging of National Identity* (Leiden, 2000).
35. Peter Golden, *An Introduction to the History of the Turkic Peoples* (Weisbaden, 1992), pp. 324–328.
36. Ernst Kudusov, *Istoriia Formirovanniiia Krymskotatarskoi Natsii* (Simferopol, 1996), p. 8.
37. K. Kongonashvili, *Kratkii Slovar' Istorii Kryma* (Simferopol, 1995), pp. 49–50.
38. Mary Ivanics, "Formal and Linguistic Peculiarities of 17th Century Crimean Tatar Letters Addressed to Princes of Transylvania", *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*, XXIX, 2 (1975), p. 215. The term *tavgach* or *tabgach* initially referred to the Turkic or Mongol T'opa Wei dynasty (386–534) of northern China and came to signify China or the East in later periods.
39. Mary Ivanics, "Formal and Linguistic Peculiarities of 17th Century Crimean Tatar Letters Addressed to Princes of Transylvania", *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*, XXIX, 2 (1975), p. 215. The term *tavgach* or *tabgach* initially referred to the Turkic or Mongol T'opa Wei dynasty (386–534) of northern China and came to signify China or the East in later periods.
40. Halil Inalcik, "Giray", *The Encyclopaedia of Islam. New Edition*, vol. II (Leiden, 1965) p. 113.

41. Edward Clarke, *Travels in Various Countries of Europe and Asia. Part one. Russia, Tahtary and Turkey* (London, 1816), p. 313.
42. Vozgrin, *op. cit.*, p. 160.
43. Vozgrin, *op. cit.*, p. 160.
44. William McNeill, *Europe's Steppe Frontier 1500–1800* (Chicago, 1964), p. 120.
45. G. N. Levitskii, “Pereselenie Tatar iz Kryma v Turtsiiu”, *Vestnik Evropy*, V, pp. 596–539, p. 598.
46. A. R. Andreev, *Istoriia Kryma* (Moscow, 1997), p. 168.
47. Thunman, *Der Krimische Staat (Krymskoe Khanstvo)* (Simferopol, 1936), p. 24.
48. Elena Druzhinina, *Severnoe Prichernomor'e* (Moscow, 1959), p. 111.
49. Kemal Karpat, “The Crimean Emigration of 1856–1862 and the Settlement and Urban Development of Dobruca”, *Turco-Tatar Past, Soviet Present* (Paris, 1986), p. 275.
50. Gozaydin, *op. cit.*, p. 30.
51. A. M. Leskov, *Gorny Krym v I Tysiacheletii do Nashei Ery* (Kiev, 1965), p. 155-60.
52. *Bol'shaia Sovetskaia Entsiklopediia*, no. 23, 1953 ed., p. 552.
53. A. Iakobson, *Krym v Srednie Veka* (Moscow, 1973), p. 148.
54. David Lynch, *The Conquest, Settlement and Initial Development of New Russia* (New Haven, 1969), p. vii.
55. K. Kongonashvili, *Kratkii Slovar Istorii Kryma* (Simferopol, 1995), p. 152.
56. Kemal Karpat, *Ottoman Population, 1830–1914* (Madison, Wisconsin, 1985), p. 76.
57. M. Voloshin, “Kultura, Isskysstvo, Pamiatniki Kryma”, *Zabveniiu ne Podlezhit* (Kazan, 1992), p. 62.
58. Evgenii Markov, *Ocherkii Kryma* (Simferopol, 1995), pp. 210–211.
59. Evgenii Markov, *Ocherkii Kryma* (Simferopol, 1995), pp. 210–211.
60. Charles Scott, *The Baltic, the Black Sea and the Crimea* (London, 1854), p. 306.
61. Peter Pallas, *Travels Through the Southern Provinces of Russia, 1793 and 1794* (London, 1802), p. 346.
62. H. D. Seymour, *Russia on the Black Sea and the Sea of Azov* (London, 1885), p. 203.
63. F. A. Feodorov, *Krym s Sevastopolem Baliklavoiu* (St. Petersburg, 1855), p. 37.
64. O. Voroponov, “Sredi Krymskikh Tatar”, *Zabveniiu ne Podlezhit* (Kazan, 1992), p. 170.
65. B. Kuftin, *op. cit.*, p. 248.
66. Edward Clarke, *op. cit.*, p. 239.
67. F. A. Feodorov, *Krym s Sevastopolem Balaklavoiu* (St. Petersburg, 1855), p. 38.
68. Evgenii Markov, *op. cit.*, p. 212.
69. Thunmann, *Der Krimische Staat (Krymskoe Khanstvo)* (Simferopol, 1936), p. 36.

70. Edward Clarke, *op. cit.*, p. 254.
71. Peter Pallas, *op. cit.*, p. 395.
72. В. А. Kuftin, *op. cit.*, p. 242.
73. В. А. Kuftin, *op. cit.*, p. 244–245.
74. Edward Clarke, *op. cit.*, p. 234–235.
75. Giles Fletcher, *Rude and Barbarous* (Madison, 1968), pp. 197–200.
76. Donald Mackenzie Wallace, *Russia* (New York, 1877), p. 354.

Сведения об авторе перевода: Лейля Сейтхалиловна Сейтхалилова – старший преподаватель английского языка, лаборант-исследователь Крымского научного центра Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (420111, ул. Батурина, 7А, Казань, Российская Федерация); lilya_crimea@mail.ru

The Ethnogenesis of the Crimean Tatars. An Historical Reinterpretation. (Brian Glyn Williams)

Leylya Seytkhalilova

(Crimean Scientific Center of Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences)

Annotation. This article is the translation of Brian Glyn Williams's work "The Ethnogenesis of the Crimean Tatars. An Historical Reinterpretation". Brian Williams is the professor of history of Islam on the Chair of Massachusetts University in Dartmouth, the USA. The source is: Journal of the Royal Asiatic Society. Third Series, Vol. 11, № 3, (Nov., 2001), pp. 329–348. The article considers the issue of the Crimean Tatar's ethnogenesis, their communal identity, social-economic conditions of the activities. On the basis of the studied material, the author comes to conclusion of necessity of Crimean Tatar's History Reinterpretation.

Keywords: Ethnogenesis, Crimean Tatars, Crimean Khanate, farming, gardening, crafts, reinterpretation, communal identity

For citation: *Seytkhalilova L. S.* The Ethnogenesis of the Crimean Tatars. An Historical Reinterpretation. (Brian Glyn Williams). Krymskoe istoricheskoe obozrenie=*Crimean Historical Review*. 2019, no. 1, pp.18-44. DOI: 10.22378/kio.2019.1.18-44

About the translator: Leylya Seytkhalilovna Seytkhalilova – senior English language teacher, laboratory assistant of the Crimean Scientific Center of Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (420111, Kazan, Batirin St., 7A, Russian Federation); lilya_crimea@mail.ru